

УДК 111.1:141.412+2

Д. Н. Воропаев**Тотальность и парадоксальность религиозного языка в формировании личности**

В статье рассматривается, каким образом язык влияет на становление религиозной личности. Показывается, что религиозный язык особым образом упорядочивает бытие. Автор выявляет феномены, которые демонстрируют тотальность и парадоксальность религиозного языка. Раскрывается, почему язык оказывает решающую роль в становлении религиозного мировоззрения и какое влияние он оказывает на мышление человека.

Ключевые слова: религиозная личность, Я, язык, религиозный язык, нетрадиционные религиозные движения.

Религиозный язык упорядочивает мир особым образом. С одной стороны, он несет те же функции, что и язык нашей обычной жизни, нашей обыденности. При этом совсем не важно, вырос человек изначально религиозным или принял веру, уже будучи взрослым. Религиозный язык касается всех уровней человеческой жизни, неизбежно затрагивает повседневность, но не растворяется в ней, постоянно напоминая о том, куда призвана вести вера. Он обеспечивает формирование мировоззрения и адаптацию личности к требуемому религией способу существования. Данный процесс я попытаюсь рассмотреть на примере нетрадиционных религиозных движений. На мой взгляд, здесь формирование религиозной личности происходит быстрее и жестче, чем в традиционных религиях, и, следовательно, его проще рассмотреть. Таким образом, далее под религиозной личностью будем иметь в виду прежде всего личность, сформировавшуюся в том или ином нетрадиционном религиозном движении. Конечно, то, что будет сказано о влиянии религиозного языка на человека, в некоторой степени справедливо и для традиционных религий. Однако вопрос, насколько разнится это влияние в традиционных и нетрадиционных религиях, требует уточнения. Поэтому сознательно ограничим разговор о религиозном языке нетрадиционными религиями.

Человек воспринимает язык как нечто естественное, необходимое. Он овладевает языком, и язык помогает ему стать личностью, войти в социум, овладеть более совершенными способами познания мира и т.д. Но давно отмечено, что язык является не только средством передачи информации или средством взаимодействия с окружающим миром, язык оказывает глобальное влияние на формирование личности. И здесь возникает вопрос: а насколько язык помогает раскрыться личности и насколько закрепощает её? Когда язык перестаёт помогать развитию мышления и приучает мыслить в очерченных языком границах?

Человеку удобно и комфортно владеть языком, и чем глубже он им владеет, тем проще человеку быть. Но овладение языком приводит также и к тому, что мышлению становится всё сложнее свободно двигаться. Мысль должна быть такой, чтобы её легко можно было выразить, чтобы другой смог понять тебя. Вот этот момент понимания является одной из важнейших целей взаимодействия человека с другим, с обществом. Жизненно важно быть понятым. Но чтобы это произошло, нужно приучить мысль укладываться в то, что доступно другому. Язык предлагает слово. Слово предстает как упаковка нашей мысли. И чем лучше мысль соотнесена со словом, тем она доступнее и понятнее. Чем проще слова, чем меньше их нужно для выражения мысли, тем понятнее, что имеет в

© Воропаев Д. Н., 2013

виду человек. Нас с детства приучают излагать свои мысли как можно яснее, и мы учим свою мысль быть податливой слову.

Личность человека во многом формируется под воздействием внешнего. Внешнее транслируется другим, и важнейшая роль здесь принадлежит языку. Язык выстраивает образ мысли, язык определяет направление познания и становится одним из важнейших условий познания. С помощью языка в сознание входит система категорий, а способы понимания категорий очерчены культурой. Мартин Хайдеггер пишет: «Мы существуем, выходит, прежде всего в языке и при языке» [4, с. 259].

Человек усваивает ценности и способы разговора о них, принятые в обществе. Так в человека входит традиция, быт, наука, религия и т.д. Человек учится жить в данной ему культуре, учится воспринимать её и понимать её, воспроизводить понятое прежде всего в языке. Он учится быть понятным в культуре, и здесь он должен быть понят другим. Быть понятным означает суметь высказать мысль. «Сказать — значит показать, объявить, дать видеть, слышать» [4, с. 265].

Нужно овладеть языком, но, овладевая им, мы позволяем языку овладеть нами. Транслируемые культурой смыслы очерчены языком и часто имеют жесткое значение, не позволяющее интерпретировать, так как в случае вольной интерпретации человек может быть непонятым или непринятым. Быть непонятым значит остаться одному. Это страшно. На это способен не каждый. И не каждый способный отваживается на это. Не поддаться поглощающему влиянию языка — значит сохранить свободу мышления. Сохранить свободу мышления — значит остаться способным к творчеству. А также это значит, что «другого» в тебе будет меньше, что другой будет менее способен повлиять на тебя. Но ещё останется твоя собственная сущность, не прикрытая культурой, не заслонённая другим. Но сумеет ли человек быть сам с собой? Сумеет ли справиться с этим? Сможет ли смотреть в себя? Смотреть в себя — это сложное испытание. Совладание с тем, что происходит в тебе, требует огромных усилий. Не зря заключение в камере-одиночке может печально закончиться для психики человека. Не случайно сложнейшим испытанием для монаха является затвор.

Оставаясь с собой, человек обнаруживает мощнейший поток того, что рождает сознание, и не всё здесь укладывается в язык и привычные образы [1]. Не всё подчинено языку. Человек может направить этот внутренний поток в творчество, но рискует при этом остаться непонятым и непринятым. Но найти способ выражения и фиксации происходящего часто становится спасением, возможностью справиться с этим потоком, возможностью слушать и слышать себя. Но если выражаемое человек стремится сделать доступным и понятным, он должен найти в языке способы проговорить это и отчасти подчинить поток языку. Поэтому язык тотален.

Тотальность религиозного языка, на мой взгляд, еще более жесткая. Но при этом мы обнаруживаем парадоксальность религиозного языка. Парадоксальность его заключается в том, что при этом он в большей степени оказывается способным отослать человека к себе, к своему Я. Обусловлено это тем, что религиозный язык сообщает человеку о сакральном и учит взаимодействовать с сакральным, учит понимать сакральное.

Рассмотрим, что происходит в этом смысле в нетрадиционных религиозных движениях. Одной из важнейших функций, реализуемых религией, является коммуникативная функция. Эта функция позволяет человеку войти в мир культа, найти единомышленников, выстроить общение с миром сверхъестественного [3]. Здесь и встречается человека религиозный язык.

Погружаясь в жизнь культа, человеку необходимо выстроить новую систему ценностей, новое мировоззрение, иначе человек не сможет в нём находиться и покинет культ

или же будет отторгнут культом. Остаться в культе может только сформированная культом личность. Основу формирования такой личности составляет процесс вхождения в пространство религиозного языка.

Именно язык содержит необходимый набор или, точнее, необходимую систему понятий, которую должен усвоить верующий. Набор этих понятий различается от культа к культу, но в целом ядро понятий в каждом культе составляют те понятия, которые призваны дать знание о центре вероучения. Здесь сообщается о том, что является центром поклонения, что является началом мира и есть ли это начало вообще, что является законом мира, чем является данное нам бытие и чем является сам человек. Вот то ядро, вокруг которого строится вероучение. Данные категории, точнее их понимание, ложатся в основу мировоззрения, формируемого в культе. Человеку необходимо усвоить правильное понимание каждого из центральных понятий. И на это может уходить немало времени и сил. Иногда постижение их становится постоянным смыслом и центром религиозной практики. И чем они понятнее, тем ближе и яснее вероучение в целом, тем понятнее становится мир и культовая деятельность.

То главное, что сообщает человеку религиозный язык, должно быть понято всецело в соответствии с культовой доктриной. Все возможные иные интерпретации жестко пресекаются. Ярким примером может послужить событие, произошедшее в традиционной форме христианства. К одиннадцатому веку на западе и востоке христианского мира появляются различия в понимании сущности Бога. Мы знаем, что это закончилось расколом христианства на православие и католицизм.

Человек должен быть в культе только с единственно возможным способом понимания того, что считается сакральным, священным. Это понимание по-разному входит в сознание: через ритуал, изучение религиозных текстов, молитву и т.п. Очень много религиозных феноменов сходится в молитве. Молитва — это и ритуал, и действие, и слово, и разговор. Молитва всегда направлена, у неё всегда есть цель. Она оказывает колоссальное воздействие на человека. Марсель Мосс пишет, что даже если смысл молитвы «стирается в результате частого повторения, она, по крайней мере, выражает хотя бы минимальное количество идей и религиозных чувств. В молитве верующий и действует, и мыслит» [5, с. 236]. Молитва вводит человека в мир священного, позволяет прикоснуться к нему. Как ритуал молитва позволяет человеку встретиться с гиперреальным, сверхъестественным [2, с. 28]. Данное переживание сильно воздействует на сознание человека. «В ритуале человек пытается создать самого себя» [там же, с. 29].

Для того чтобы такое событие состоялось, человеку необходимо всецело отдалиться молитве. Такой молитве, которая уже создана до человека, которая является неотъемлемой частью вероучения и жизни культа. Сила такой молитвы уже опробована многими, и человек должен её принять такой, какая она есть. Только так «правильная» молитва может открыть человеку сверхъестественное, дать возможность прикоснуться к сакральному. Язык здесь настойчив и жесток. Он не дает человеку шансов на иной способ встретиться со сверхъестественным, с тем сверхъестественным, представление о котором рождено в культе. В противном случае, если человек упорствует и изобретает свои способы, он будет признан еретиком, его путь будет ложным, а сверхъестественное неподлинным. Правда, стоит сказать, что изобретение новых способов возможно, если человек сам стал центром культа и почитается как святой, пророк или бог, но и здесь новое не должно противоречить закреплённым в главных категориях смыслам. Рядовому адепту культа остаётся только полностью подчиниться тому, что уже состоялось в культе, тому, что даст ему религиозный язык. Только так возможно услышать истину, даруемую языком. «Мы слышим его лишь потому, что послушны ему как ему принадлежащие» [4, с. 266].

Религиозный язык упорядочивает бытие человека настолько, что всё в культуре становится очевидным, правильным и единственно возможным для спасения. Есть только жизнь культа и жизнь вне культа. Первая подлинна, вторая губительна.

Но здесь может показаться, что религиозный язык только поработает человека. Но он много и даёт. Как уже было сказано выше, парадоксальным образом тотальность религиозного языка дарит человеку возможность прикоснуться к собственной сущности. В центральные понятия религии входит и представление о том, чем и кем является сам человек. Человек должен быть обращен на постижение не только Бога, но и на постижение себя. С одной стороны, себя он увидит таким, каким это возможно в культуре, но переживает при этом чувство подлинной встречи с собой. Он будет обращен к собственному Я. Религиозная жизнь заставляет человека всегда помнить о том, что нужно постигнуть, что в личности подлинно, а что — нет, где скрывается Я и что мешает его обрести. Встреча с сакральным подразумевает и переживание самости, переживание подлинного Я. Даже если при этом говорится о растворении в божестве или каких-либо энергиях. Все главные понятия и ценности культа заставляют человека соотносить себя с ними, и, с одной стороны, человек должен выстроить себя в соответствии с постигаемой истиной, а с другой — должен быть обращен к себе. При этом понять Я умом невозможно [2, с. 48]. Я только переживается, чувствуется. Но чувствуется особым образом. Как можно почувствовать Я, сообщает религиозный язык. Он выстраивает способы встречи с Я и обозначает, где возможно встретить Я. Религиозный язык помогает объяснить, чем можно чувствовать Я, что это за чувство такое. Но само переживание находится уже за границей языка. Туда языку уже не добраться. Там человек предоставлен сам себе, и только такой человек способен встретить Бога. Чаще всего само по себе это переживание не проговаривается, рассказ идёт только о том, что это возможно. Но как только это переживание пытаются проговорить, зафиксировать в языке, оно становится пустым, оно уже не способно что-то сообщить. Здесь человек может столкнуться с пустыми, пусть и красивыми, образами. Эти образы будоражат воображение, распалывают его, но они далеки от подлинной встречи с Я. Язык доступен уму, ум может быть в той или иной степени подчинен языку, но Я не доступно ни тому, ни другому.

Подчинение мышления языку может сделать Я бесконечно далёким, скрытым. Но в религиозном языке мы наблюдаем парадоксальное явление встречи с Я при тотальности языка. Но, наверное, иначе и быть не может. В религии человек должен быть жестко направлен только в одну сторону. Особенно это касается подавляющего большинства современных нетрадиционных форм верований. Но там, куда обращено движение человека в религии, находится священное. Там Бог. Там Я. Там человек обретает истину, к которой стремится.

И в данном случае не важно, как мы с вами воспринимаем то или иное вероучение, традиционное оно или нетрадиционное, считаем мы его истинным или нет. Важно то, что происходит там с человеком, что он стремится понять и почувствовать и смог ли он достичь своей цели. В контексте сказанного выше мы и не должны считать истиной то, что происходит в какой-либо мировоззренческой системе, отличной от нашей, тем более если это религия. Мы должны остаться на тех позициях, которые сформированы под влиянием языка.

Таким образом, религиозный язык выстраивает действительность особым образом. Он формирует представление о бытии и определяет место человека в этом мире. Особенность религиозного языка заключается в жесткой тотальности при формировании религиозной личности. И вместе с тем он парадоксальным образом обращает человека к собственному Я, направляет к переживанию Я и встрече с гиперреальным и сверхъесте-

ственным. И с той, и с другой стороны язык даёт человеку то, что он называет истиной. Это значит, что человек ощущает правильность выбранного пути. В нетрадиционных религиях указанное проявляется наиболее ярко и часто в крайних своих формах.

Список использованной литературы

1. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. М. : МГИУ, 2010. 247 с.
2. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М. : Академический проект, 2012. 237 с.
3. Воропаев Д. Н. Роль языка в процессе формирования новой культовой личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4. С. 310—314.
4. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.
5. Мосс М. Социальные функции священного : пер с фр. СПб. : Евразия, 2000. 448 с.

Поступила в редакцию 27.02.2013 г.

Воропаев Дмитрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: div79@bk.ru

D. N. Voropayev

Totality and paradoxical character of religious language in formation of personality

The article dwells on the influence of the language on the formation of a religious personality; shows how the religious language organizes the existence. The author reveals the phenomena that demonstrate the totality and the paradoxical character of the religious language. The paper also reveals why the language has a decisive role in the formation of a religious world outlook and what impact it has on human thinking.

Key words: religious personality, ego, language, religious language, nonconventional religious movements.

Voropayev Dmitry Nikolayevich, Candidate of Philosphic Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: div79@bk.ru